

Ду Сылинь, возвращаясь домой, каждый раз подолгу замирала перед портретом.

На картине Ду Кун и Линь Лань счастливо улыбались. Наверное, они находили утешение в том, что их дочь, которую они не видели с самого рождения, день за днем взрослела.

— Тайгуан, Фанфэн, мойте руки и к столу, — Ду Сыянь помог няне, тете Ли, расставить тарелки и позвал их обедать.

Фанфэн отложила медицинский справочник, встала и, проходя мимо Ду Сылинь, похлопала ту по плечу.

— Пойдем.

Ду Сылинь вместе с Фанфэн развернулись, больше не бросив на портрет ни единого взгляда.

Фанфэн не нуждалась в пище, но мирские деликатесы были слишком хороши, чтобы ими пренебрегать. Поэтому она ела и пила, как обычный человек, лишь позже с помощью нехитрых заклинаний избавляясь от съеденного.

— Кстати, Тайгуан, я попросил Сяо Юня собрать досье на Сяо Цинчжу, скоро перешлю, — внезапно вспомнил Ду Сыянь за столом.

— Хорошо.

— И еще, тетушка передала, что не вернется в течение года, — добавил он.

— Угу.

На этом ужине, если не считать редких реплик Ду Сыяня и Фанфэн, Ду Сылинь не произнесла и пяти слов. И все же это был самый долгий ужин, который они проводили вместе раз в полмесяца.

Ду Сылинь и Ду Сыянь виделись каждые две недели — так распорядился Ду Кунъян. Никто не знал причин, никто не решался спросить. Даже если бы спросили, Ду Кунъян все равно бы не ответил.

От Чжиши по-прежнему не было вестей. Фанфэн, казалось, привыкла к таким новостям об отсутствии новостей, поэтому лишь улыбалась, и только Ду Сылинь заметила мимолетную тень разочарования в ее глазах.

В десять вечера Ду Сыянь проводил их.

— Тайгуан, если что-то случится, звони брату, — это была фраза, которую Ду Сыянь обязан был

произнести перед расставанием, хотя и знал, что с характером Ду Сылинь она никогда не позвонит.

Отец при жизни говорил, что у этой сестры лишь одна душа и одна сущность, поэтому она не ведает ни печали, ни радости, и любые чувства ей, возможно, чужды. Но Ду Сыянь всегда верил, что Ду Сылинь просто не умеет их выражать.

Рожденный в семье Ду обязан нести ответственность, подобающую мужчине рода. Так говорил отец.

...

— Данные о Сяо Цинчжу абсолютно обычные, ничего подозрительного, — сказала Фанфэн, просматривая файл, присланный Ду Сыянем.

— Понятно, — отозвалась Ду Сылинь.

Сяо Цинчжу, двадцать пять лет, управляющая крупной транснациональной корпорацией. В досье были лишь общие сведения и пара примечательных фактов из ее прошлого, в которых не было смысла копаться.

— Может, мы ошиблись? — Фанфэн подперла щеку рукой, с сомнением глядя на подругу.

— Телосложение Сяо Цинчжу чистое, но даже если она не Девятицветная пестрая змея, ее наверняка опутала какая-то нечисть, — задумавшись, медленно произнесла Ду Сылинь, вспоминая, как с каждым днем бледнело лицо Сяо Цинчжу.

— Если это не Девятицветная пестрая змея, то тебе до этого нет дела, верно? — Фанфэн слегка скосила взгляд на Ду Сылинь.

— Верно, — Ду Сылинь не стала отрицать.

Девятицветная пестрая змея: покрыта чешуей девяти цветов, выдыхает пятицветное дыхание, на голове пара темно-зеленых рогов, хвост закручен спиралью. Ее ценят за чудотворные свойства в алхимии, но они крайне редки, а тех, кто смог обрести форму, — еще меньше.

— Посмотрим, — Фанфэн взглянула на настенные часы, встала и похлопала Ду Сылинь по плечу. — Пора идти.

6. Упокоение

У ворот жилого комплекса их уже ждал минивэн Сяо Цинчжу. Водителя не было.

— Не смотри на меня, я умею водить, но прав нет, — Фанфэн пожала плечами, заметив взгляд Ду Сылинь.

— Я сама, — Сяо Цинчжу, позабавленная их перепалкой, вызвалась помочь.

Они сели в машину, и по указаниям Ду Сылинь направились в глухой пригород.

Стрекотали насекомые, прохладный ветер шелестел листвой. В небе мерцали звезды, плыли облака, а вдалеке мерно переливались неоновые огни.

— Руку, — Ду Сылинь подошла к Сяо Цинчжу.

Та поняла без слов и протянула ладонь.

— Закрой глаза.

Сяо Цинчжу послушно закрыла глаза. Ее длинные густые ресницы, на которых играл звездный свет, выглядели завораживающе.

Ду Сылинь сложила пальцы и начертала в воздухе золотой круг, в центре которого вспыхнул иероглиф Разрушение, после чего прижала ладонь ко лбу Сяо Цинчжу. Тотчас из пор девушки просочились видимые пятицветные нити.

И вправду Девятицветная пестрая змея!

Ду Сылинь бросила взгляд на Сяо Цинчжу, провела ладонью над ее лбом, и иероглиф Разрушение сменился на Явление, впитавшись в межбровье девушки.

— Открыть! — негромко скомандовала Ду Сылинь.

Сяо Цинчжу резко распахнула глаза и вскрикнула от испуга.

Откуда здесь взялось столько странных людей? Некоторые из них были одеты в древние наряды. Она инстинктивно вцепилась в кого-то теплого и увидела перед собой Ду Сылинь. Длинные ногти впились в кожу, выступили капельки крови.

— Простите, я сейчас вытру... — Сяо Цинчжу осознала свою неловкость и полезла в сумку за салфетками.

— Ничего, — Ду Сылинь даже не взглянула на следы от ногтей. Она огляделась и произнесла:
— Я использую это место. Вы не трогаете меня, я не трогаю вас.

Стоило ей закончить, как призраки, окружившие Сяо Цинчжу, начали отступать.

Только теперь Сяо Цинчжу заметила, что вокруг Ду Сылинь пульсирует слабое огненно-красное сияние, в котором проскальзывали золотистые искры. Духи смотрели на нее с нескрываемым страхом.

Когда вокруг никого не осталось, Ду Сылинь сложила печати, начертав в воздухе золотой символ, и Фанфэн бросила в его центр нефритовый кулон.

— Сяо Ци... — Сяо Цинчжу узнала украшение, именно в него Ду Сылинь заключила дух обиды.

— Явиться! — скомандовала Ду Сылинь. Кулон испустил лазурный свет, и наружу хлынул черный поток.

Лазурное сияние образовало вокруг черной массы кольцо, начав постепенно разъедать ее.

Сначала глаза призрака были затуманены, но, увидев ледяное лицо Ду Сылинь, она оскалилась и с яростным воплем бросилась на нее.

— Ци Цзыци! — окликнула ее Сяо Цинчжу.

Призрак замер, озадаченно обернулся и уставился на Сяо Цинчжу.

— Сестренка... Цинчжу.

Взгляд ее прояснился, поднятые для удара руки медленно опустились.

— Сяо Ци, довольно, — Сяо Цинчжу сделала несколько шагов вперед, ее голос дрогнул.

Черная дымка вокруг Ци Цзыци постепенно таяла под натиском лазурного света, открывая ее облик. По сравнению с Сяо Цинчжу, Ци Цзыци выглядела совсем ребенком — лет семнадцати, в школьной форме.

— А-а! — стоило Сяо Цинчжу дотронуться до нее, как девочка вскрикнула от боли.

— Твоя живая энергия обжигает ее, — сухо заметила Ду Сылинь.

— Сестренка... я умерла, — Ци Цзыци разрыдалась. В конце концов, это был всего лишь семнадцатилетний ребенок.

Она опустилась на землю, обхватив колени руками. Ее беспомощность разрывала сердце. Сяо Цинчжу прижала ладонь ко рту: живых и мертвых разделяла бездна, она не могла даже обнять ту, кто когда-то следовала за ней по пятам, считая своим кумиром.

Ду Сылинь вдруг достала откуда-то листья, подошла к Сяо Цинчжу и протянула их:

— Листья помело. Разотри в ладонях, это временно изолирует твою энергию. До полуночи она должна быть препровождена в мир иной.

На часах было 23:54. Эти шесть минут стали последним временем, отпущенным сестрам в этом мире. Сяо Цинчжу принялась яростно растирать листья, а затем, не теряя ни секунды, заключила Ци Цзыци в объятия.

Фанфэн и Ду Сылинь отошли в сторону. Ду Сылинь лениво прислонилась к дереву, дожидаясь, пока Фанфэн заговорит.

— Если ты это сделаешь, твое Око Колеса Небес пострадает, — сказала Фанфэн.

— Я знаю, — ответила Ду Сылинь. Обида в душе Ци Цзыци была слишком глубока, неизвестно, что она пережила при жизни, раз не смогла смириться со смертью.

— Ладно, — Фанфэн беспомощно развела руками. — Ты ведь знаешь, что тебе скоро предстоит этап Сгущения Души?

— Знаю.

— Провести обряд можешь и ты, но я сделаю это за тебя, — серьезно сказала Фанфэн. В вопросе Сгущения Души она не могла пойти на уступки.

— Око Колеса Небес восстановится само, а если ты возьмешься за это, потратишь сто лет совершенствования. К тому же, при открытии врат между мирами, даже защитный талисман не скроет твою ауру.

Ду Сылинь выпрямилась, подошла к Фанфэн и посмотрела ей в глаза:

— Ты знаешь, что я не допущу твоей гибели.

Сказав это, она направилась к сестрам. 23:58. Время вышло.

Ци Цзыци теперь была окутана лазурным сиянием, которое в ночи отливало призрачным светом, даже ее глаза окрасились в этот цвет.

Ду Сылинь сложила печати, ее глаза превратились в бездонные черные омуты.

— Сяо Цинчжу, не смотри мне в глаза, — предупредила она, вспомнив прошлый опыт.

Когда она открыла их снова, Фанфэн уже отвела Сяо Цинчжу в сторону.

Ду Сылинь сосредоточилась. Вокруг нее заструилось огненно-красное пламя, внезапно вспыхнувшее ослепительным светом. Воздух вокруг начал накаляться, температура стремительно росла.

Ее тело медленно оторвалось от земли. Ду Сылинь подняла голову — в центре ее лба открылся третий глаз, выпустив золотой луч в сторону луны.

Был конец месяца, полной луны не было, но больше половины диска сияло ярко. Отраженный свет луны сфокусировался в луч, окутавший Ци Цзыци.

Ду Сылинь сложила руки кругом, начертив в воздухе символ Инь-Ян, и прошептала:

— Врата Жизни и Смерти, открыться!

Сразу после этих слов позади Ци Цзыци возникли тяжелые черные врата. От них исходила такая давящая мощь, что Фанфэн побледнела. Врата Жизни и Смерти подавляли любую нечисть.

— Ци Цзыци, иди на перерождение! — крикнула Ду Сылинь. — Вперед!

Она слегка подтолкнула девочку, и та исчезла в черном проеме.

— Сестренка, до встречи в следующей жизни! — это были ее последние слова в этом мире.

На черных вратах зарычали каменные львы-пию. Ду Сылинь сомкнула ладони, захлопывая врата, и они медленно растаяли в воздухе.

— Тайгуан! — Фанфэн вскрикнула, не успев среагировать: Сяо Цинчжу без чувств упала на нее.

— Рассеяться! — Ду Сылинь резко сбросила остатки духовной энергии, спрыгнула на землю и бросилась к Сяо Цинчжу.

— Пульс в норме, проблем нет, — заключила Фанфэн, позвав Ду Сылинь для осмотра.

— Это Девятицветная пестрая змея, пятицветная энергия начала жадно поглощать ее жизненные силы, — поняла Ду Сылинь, едва взглянув на девушку. — Уходим, домой!

Она нахмурилась, закинула Сяо Цинчжу на плечо, и они поспешили к машине.

— Ты собираешься передать ей свою жизненную энергию? — Фанфэн поняла намерения Ду Сылинь. — Твое Око Колеса Небес еще не восстановилось, если отдашь энергию, повредишь

первооснову!

— Первооснову можно восстановить, а если ее жизненные силы иссякнут, ее уже не спасти, — холодно ответила Ду Сылинь. — Фанфэн, прикрой меня.

Она открыла секретную комнату, вошла внутрь, бережно неся Сяо Цинчжу на руках. В этой комнате не бывала даже Фанфэн. Фанфэн закрыла дверь и села снаружи в позу медитации.

...

Прошли сутки, прежде чем Ду Сылинь вышла наружу. Сяо Цинчжу все еще была у нее на руках.

— Фанфэн, позаботься о ней, — голос Ду Сылинь звучал слабо, лицо было бледным как бумага, и лишь глаза сохраняли ясность.

— Хорошо, — Фанфэн кивнула, принимая Сяо Цинчжу.

— Это тебе, — Ду Сылинь достала нефритовый кулон и повесила на шею Фанфэн. — Это защитный талисман из моей первоосновы. Твой старый был поврежден Вратами Жизни и Смерти. Этот не подведет.

— Угу.

Фанфэн не знала, что сказать. Благодарность переполняла ее, но в действиях она могла лишь кивнуть. Ду Сылинь сейчас была истощена до предела, о чем знала только она сама.

— Я в порядке, не беспокойся, — Ду Сылинь похлопала Фанфэн по плечу, ободряюще улыбнулась и вернулась в темную комнату.

...

Спустя еще два дня Сяо Цинчжу очнулась. Она оглядела незнакомую комнату — в воздухе витал тонкий аромат, смешанный с запахом лекарств.

— Очнулась? — Фанфэн вошла с миской отвара и, проверив пульс девушки, оставила лекарство в сторону.

— Что произошло? — Сяо Цинчжу чувствовала себя на удивление бодрой, усталость как рукой сняло.

— Ты потеряла сознание, Тайгуан принесла тебя сюда, — сухо ответила Фанфэн.

Последние дни она варила восстанавливающие отвары, а присутствие первоосновы Ду Сылинь в теле Сяо Цинчжу сделало свое дело.

— Учитель Тайгуан? Где она? — Сяо Цинчжу огляделась, но не нашла никаких следов Ду Сылинь.

— Хочешь услышать правду или ложь? — Фанфэн взглянула на нее и протянула лекарство.

— Конечно, правду.

— Чтобы упокоить Ци Цзыци, она использовала Око Колеса Небес и повредила жизненную силу. А чтобы спасти тебя, она потратила свою первооснову. Теперь я сама не знаю, в каком она состоянии.

Фанфэн и сама не понимала, зачем сказала это, но, увидев растерянный взгляд Сяо Цинчжу, не удержалась. Ду Сылинь никогда не ждала благодарности и никогда не говорила о своих жертвах.

— Она... — Сяо Цинчжу задохнулась от осознания.

— Это последняя доза, допей и уходи. У тебя наверняка полно дел, — Фанфэн вышла из комнаты.

Сяо Цинчжу уехала вскоре после этого, так и не увидев Ду Сылинь. Она не вернулась в компанию, лишь позвонила, объяснив свое отсутствие, и поехала в район Фэнци.

Ду Сылинь жила в черте города Юаньтянь, а Фэнци был небольшим жилым кварталом на окраине.

В сельской части Фэнци пожилая женщина перебирала четки, и мерный звук деревянного гонга приносил покой.

— Бабушка! — позвала Сяо Цинчжу, входя в дом.

Старушка не ответила, продолжая читать молитву. Лишь закончив, она опустилась на колени и поднялась, с удивлением глядя на внучку.

— С кем ты встречалась в последнее время? — спросила она.

— Бабушка, откуда ты знаешь? — Сяо Цинчжу была поражена. Бабушка всегда казалась ей ясновидящей.

— Ты всегда выглядела болезненно, а сегодня сияешь. Думаю, ты встретила мастера, — старушка взяла ее за руку.

Они сели, и Сяо Цинчжу в подробностях рассказала обо всем, что произошло за эти дни.

— Бабушка, мне так тяжело на душе, — добавила она.

— Этот ребенок — добрая душа, тебе стоит ее поблагодарить, — бабушка заинтересовалась таинственным учителем Тайгуан. — Сяо Цинчжу, приведи ее как-нибудь к бабушке, я хочу поблагодарить ее лично.

— Хорошо, бабушка.

— Сяо Ци была такой несчастной девочкой. Не могу поверить, что Ван Цзывэнь способен на такое, — старушка возмущенно покачала головой.

Ци Цзыци покончила с собой из-за Ван Цзывэня, который надругался над ней. Ей было всего семнадцать. Гордая девочка не вынесла позора и отравилась газом. Самоубийцы не могли переродиться и попадали в Город Несправедливо Умерших. Но Ци Цзыци не смирилась. Обретя способности призрака, она начала мстить.

— Угу, — тихо ответила Сяо Цинчжу. Они с Ци Цзыци были соседками. Сяо Цинчжу была на два класса старше. После школы она уехала за границу по гранту, связь прервалась. О смерти Ци Цзыци она узнала только по возвращении. Девочке было всего семнадцать, она тоже могла бы получить грант...

— Цинчжу, у каждого своя судьба. По крайней мере, теперь Сяо Ци может переродиться, правда? — бабушка ласково погладила ее по волосам.

Сяо Цинчжу рано потеряла родителей и жила с бабушкой, опираясь на наследство. Ци Цзыци тоже рано осталась сиротой, поэтому они были близки.

— Бабушка, я хочу найти место и поставить табличку в память о Сяо Ци, — прислонившись к ней, прошептала Сяо Цинчжу.

— Хорошо, поручи это бабушке.

Интересно, как там Тайгуан? — подумала Сяо Цинчжу.

7. Потеря зрения

Ду Сылинь вышла из секретной комнаты спустя полмесяца после того случая. Все это время Сяо Цинчжу приходила почти каждый день. Сначала Фанфэн просила ее не приходить, но потом смирилась.

В тот день гремела гроза. Без Ду Сылинь Фанфэн, будучи духом, временно переселилась в нефритовый сосуд — лучший инструмент для питания души. В грозу любая нечисть должна была быть подавлена, поэтому Ду Сылинь придумала такой способ защиты для подруги.

Когда Ду Сылинь вышла, небо озарилось молниями, словно пытаясь расколоться надвое.

— Фанфэн, — тихо позвала Ду Сылинь.

— Тайгуан! Ты наконец вышла! — услышав знакомый голос, Фанфэн вылетела из сосуда и зависла рядом с ней.

<http://bllate.org/book/20972/2128934>